

ПИСЬМО

На хуторе Терновском умерла старуха. Зарёванных внучат отвели соседи. Председатель заказал в плотницкой гроб. Конюх Макей рыл могилу, а к дому покойной сходились люди. Зашёл и бригадир. Постоял с минуту, помял в руках шапку и уж было засобирался уйти, как за спиной зашушукались:

«Вишь, бригадир явился... Детвору, небось, оформлять будет».

«Куда? Куда ребятишек-то денут?» – шёпот со всех сторон.

«Может, мать объявится?»

«Мать?»

И только тут вспомнили, что у старухи есть дочь и что ей нужно дать телеграмму. Начали искать адрес. Тогда и было найдено это письмо с пометкой на конверте: «Адресат выбыл».

«Здравствуй, дочка Маруся. Чего ты мне не пишешь? Вот уже три года минуло, как ты на меня детишек кинула, а я о тебе узнаю лишь по слухам.

Привет тебе шлёт и Макей Устинов, и Дехтяриха, и тётка Скубачиха (что сын в соломе сгорел). И все они дюже недовольны тобой, и дюже ругают тебя.

Дети, слава Богу, не болеют, но скучают и шалят, и с ними б построже кому, а некому. Я ж с ними уже не слажу. Васятка совсем понимать меня перестал, неслухом растёт. А Павлушка, так этот и вовсе – сохрани и помилуй – беда за бедой ходит. Аристархивна, соседка наша, говорит, что сроду таких досужих детей не видала.

А я и от людей слыхала, что нашла ты себе нового кавалера, и что он, как и прежний, детей твоих знать не хочет. Тебе, дочка, не постесняюсь, в глаза скажу: не нужон тебе такой ухажер, который твоих детей не признаёт. И ты над этим подумай.

С новостей хуторских сообщаю тебе, что бабка Захарьевна померла, и Фаина, та, что коз вела, тоже померла. А Лёнька Астахов, бригадир-то наш, от водки лечиться ездил, да от только не пособило ему. Да и как оно пособит, ежли Лёнька-то человек общественный, активист, и отлынивать от всякого общественного мероприятия ему по уставу не велено (это он сам так сказал). А у Тоньки Хаврычевой телушка отелилась. И Тонька, детишек твоих жалеючи, кой-когда молоко носит.

С топкой у нас нынче плохо. Угля совсем нет, а на склад съездить – трактора не допросишься. Пока силы были, робила – нужна была, а теперя... Дровишки кой-какие насобираю. Спасибо, Васятка пособляет.

А недавно Павлушка мне такое сказал: «Баба, а отчего у нас мамки нету? У Витьки Глушкова есть, а у нас нету». А я ему и говорю: «Есть у вас мамка, только дюже занятая она. Вот управится со своими делами и наведает вас». А он: «Ежели б была – уже наведала».

Ты, Маруся, не сердчай на него. Оно, дитё, не виновато, оно ж забывать тебя стало.

А Васятка, такой любопытный без меры, в кого только вдался, гадаю. Как утро, к Макею на конюшню является и давай ему вопросы задавать. А вопросы те глупые, и им конца нет. Макей сердится, а он не отступает. Макей, он хоть и терпеливый, а седно уж кнут показывал. Выпороть обещал, ежели дальше докучать будет. А ему, дитю, скучно, заняться нечем, от он и липнет.

А на прошлой неделе учительница к нам наведывалась. Сказала, что ему, Васятке-то, в школу на осень идти и что нынче уж справлять его к школе нужно и грамоте загодя обучать. Я как-ся взялась буквам его учить, да сама и сбилась – не получилось.

А вечерами я им молитвы читаю, а они следом. А спать не укладёшь, бабаем пужаю. Как ветер ставнями грюкнет, я им: «Это бабай, щас он вас...» Боятся.

Марусенька, дочка, не откажи моей просьбе, пришли диколону тройного, я на него тебе деньги, четыре рубля, с письмом посылаю. Раньше диколон у нас в лавке был, а как водку прикрыли, так его-то и расхватали. А мене тот диколон – лучшее лекарство. Как только в голове зашумит, помутится, виски придавит – я к затылку его. Притулю с тряпицей – так хворь и отслонит. Фельдшерица говорит, что это гиптрония какая-сь и что уколами меня колоть нужно. Но я так считаю: диколон седно лучше.

А ещё скажу тебе: Маруся, здоровье моё никудышное, и боюсь – помру, а детишек деть некуда. Негоже им при живой-то матери в приют идти.

Маруся, приедь, ради Бога, покажись детям. Ежели за гостинец беспокоишься, то не думай, я в лавке уже купила и спрятала. Они, сорванцы, не знают, а ты и вручишь. Ты только приезжай, Марусенька, жалко-то ребятишек, хочь и лоскута у меня получают, а седно жалко».